

УДК 94(476)«1944/1948»:364.682:394-055.2

Взаимоотношения православной церкви и государства в 1944–1948 гг. (на примере Витебской области)

Болтрушевич Н.Г.

Учреждение образования

«Витебский государственный медицинский университет», Витебск

Взаимоотношения православной церкви и советского государства в различные исторические периоды имели свои особенности.

Цель статьи – показать основные изменения государственно-церковной политики в отношении православной церкви в 1944–1948 гг. (на примере ситуации в Витебской области).

***Материал и методы.** Исследование осуществлялось на основе докладных записок республиканских и областных уполномоченных Совета по делам РПЦ, содержащихся в Национальном архиве Республики Беларусь и Государственном архиве Витебской области, а также научных публикаций.*

***Результаты и их обсуждение.** На примере Витебской области раскрываются аспекты государственно-церковной политики в послевоенный период в отношении православной церкви, выявлены особенности функционирования православных общин в восточных районах БССР. После войны религиозность среди населения Витебской области оставалась высокой. Православные приходы нуждались в квалифицированных церковных кадрах. Священники на территории Витебской области активно осуществляли религиозные обряды крещения, венчания, организовывали церковные хоры.*

***Заключение.** На территории Витебской области после окончания войны советские власти не препятствовали функционированию церквей и открытию новых. Под контролем сложившейся еще после 1943 г. системы взаимоотношений между государством и церковью, во главе с Советом по делам РПЦ при СМ СССР, происходила их регистрация. На территории Витебской области к концу 1948 г. действовало 28 церквей, зарегистрированных в Совете. Используя любую возможность, духовенство активно осуществляло работу с верующими в разных направлениях. В дни религиозных праздников проводили повсеместные церковные службы, где проповедовали нравственное христианское учение. До 1947 г. православные общины Витебской области осуществляли сбор средств на благотворительность.*

***Ключевые слова:** православная церковь, Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, государственно-церковная политика.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 28. – С. 70–77)

Interrelations between the Orthodox Church and the State in 1944–1948 (the Example of Vitebsk Region)

Boltrushevich N.G.

Educational Establishment «Vitebsk State Medical University», Vitebsk

The interrelations between the Orthodox Church and the Soviet state in the USSR in different historical periods had certain peculiarities.

The purpose of the article is to present basic changes of the state and religious policy in relation to the Orthodox Church in 1944–1948 (on the example of the situation in Vitebsk Region).

***Material and methods.** The research was conducted on the basis of reports by the Republic and the Region authorized officials of the Russian Orthodox Church Council which are stored in the National Archive of the Republic of Belarus and the State Archive of Vitebsk Region as well as in research papers.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: pronirvgtmu@mail.ru – Н.Г. Болтрушевич

Findings and their discussion. *The example of Vitebsk Region illustrates features of the state and religious policy in the post-war period in relation of the Orthodox Church; features of Orthodox parishes' activities in the Eastern areas of the BSSR are revealed. After the War Vitebsk Region population remained highly religious. Orthodox parishes needed qualified clergymen. Priests on the territory of Vitebsk Region actively performed religious rites of baptism, marriage, organized church choirs.*

Conclusion. *On the territory of Vitebsk Region after the end of the War Soviet authorities did not hamper the activities of churches and the opening of new ones. They were registered under the control of the system of interrelations between the state and the Church, which was shaped after 1943 and was headed by the Russian Orthodox Church Council at the USSR Council of Ministers. On the territory of Vitebsk Region by the end of 1948 there had been 28 churches registered in the Council. Clergymen actively worked with church goers in different directions using every opportunity. During religious holidays church services were conducted on the large scale where spiritual Christian teaching was preached. Before 1947 Orthodox parishes of Vitebsk Region raised money for charities.*

Key words: *Orthodox Church, Russian Orthodox Church Council at the USSR Council of Ministers, state and religious policy.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 70–77)

В годы войны и в послевоенный период советская религиозная политика претерпела некоторые изменения. С сентября 1943 г. руководством страны был определен курс по нормализации государственно-церковных отношений. При этом следует подчеркнуть, что данной политике недоставало последовательности, она распространялась только, в первую очередь, на Русскую православную церковь и не предусматривала отступления от основных взглядов в целом на религию и церковь в жизни советского общества.

В результате гонений на церковь на Витебщине, как в целом во всех восточных областях БССР, к июню 1941 г. не осталось ни одного действующего храма. Хотя в дореволюционный период по всей Витебской губернии имелось 425 церквей [1, л. 297], а в г. Витебске до 1917 г. насчитывалось 30 действующих церквей и часовен [2, л. 16–17]. Все церкви в г. Витебске и 11 уездах были закрыты еще до 1930 г. Многие из них были превращены в склады. В Витебске в бывшем костеле святого Антония был устроен антирелигиозный музей, где размещались мощи преподобной Евфросинии Полоцкой [3, с. 12].

В годы Великой Отечественной войны произошло активное оживление религиозной жизни, которое сопровождалось восстановлением церквей, в том числе и на оккупированных территориях. Уже в августе-сентябре 1941 г. была приведена в порядок Витебская Свято-Покровская церковь, первое богослужение в которой прошло 14 октября 1941 г. За время немецкой оккупации во всех районах Витебской области начали действовать православные храмы [3, с. 12].

В довоенный период сложилось определенное противоречие между политической и социокультурной сферами жизни общества по вопросу отношения к религии и церкви. Если власти пытались минимизировать влияние церкви в со-

ветском обществе, то на бытовом уровне религиозная вера продолжала существовать в разных проявлениях (чувства, традиции религиозной жизни). Неслучайно с ослаблением внимания советской власти к религиозному вопросу население с начала войны стало возвращаться к тем традициям религиозной жизни, следовать которым к концу 1930-х гг. было невозможно.

Цель статьи – на примере ситуации в Витебской области показать основные изменения государственно-церковной политики в отношении православной церкви в 1944–1948 гг.

Материал и методы. Исследование построено на использовании широкого спектра источников Национального архива Республики Беларусь (фонд уполномоченного Совета по делам РПЦ), Государственного архива Витебской области (фонд уполномоченного Совета по делам РПЦ) и научных публикаций, что позволило сформулировать выводы о развитии взаимоотношений православной церкви и советского государства в данный исторический период.

Методологическую основу публикации составили принципы объективности и историзма. Принцип историзма позволил рассмотреть связь религиозных процессов и политических факторов во взаимоотношениях советского руководства и Русской православной церкви. Принцип научной объективности дал возможность на основе широкой источниковой базы на примере Витебской области сформулировать особенности послевоенного функционирования православных общин в восточных районах БССР. В работе применялись общенаучные (индукция и дедукция, анализ и синтез) и специально-исторические (историко-генетический, ретроспективный) методы.

Результаты и их обсуждение. 26 июня 1944 г. в результате Витебско-Оршанской операции войсками Красной Армии был освобожден Витебск. Несмотря на послевоенные сложности в осуществ-

влении учета православных общин и церквей, сотрудникам Совета по делам Русской православной церкви, созданного еще в 1943 г. при Совете Народных Комиссаров Союза ССР, к 1 октября 1945 г. удалось поставить на учет в Витебской области 29 церквей. Были взяты на учет и недействующие церкви: в августе 1945 г. их насчитывалось 34, в октябре 1945 г. – 36 [4, л. 179, 189].

Для улучшения и регулирования отношений между советским государством и церковью еще в годы войны был принят курс на обновление ее нормативно-правовой базы. Так, согласно постановлению СНК Союза ССР от 28 ноября 1943 г. № 1325 «О порядке открытия церквей» в п. 8 указывалось, что вопрос открытия церкви мог решить только Совет по делам Русской православной церкви при СНК Союза ССР с одобрения союзного правительства. Райисполкомы, пересылая заявление уполномоченным Совета, обязаны были одновременно сообщить: добровольно ли объединились верующие, подавшие заявление, все ли они совершеннолетние, проживают в данной местности и не лишены избирательного права по суду, а также в каком состоянии находится просимое церковное здание, чем оно занято и расстояние до ближайшей действующей церкви. Церковь считалась действующей, если она была зарегистрирована уполномоченным Совета по делам РПЦ и получила соответствующую справку. Без разрешения Совета по делам Русской православной церкви при СНК Союза ССР запрещалось закрывать действующую церковь [5, л. 8].

В постановлении «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации», принятом 1 декабря 1944 г. Совнаркомом СССР, указывалось, что решения об открытии церквей, закрытии, освобождении помещений государственных и общественных зданий, занятых за период немецкой оккупации под церкви, переоборудование церковных зданий для других целей, слом, разборка церковных зданий, религиозные шествия могли проводиться с разрешения райисполкома, облисполкома и Совета по делам РПЦ при СНК Союза ССР [5, л. 11].

Разрешены были и некоторые правовые вопросы религиозных объединений. В постановлении СНК СССР от 22.08.1945 № 2137-546-с. религиозным объединениям предоставлялось право юридического лица в части приобретения транспортных средств, производства и продажи церковной утвари, предметов религиозного культа, аренды, покупки в собственность и строи-

тельства домов для нужд религиозных объединений. Этим же постановлением СНК республик и обл(край)исполкомам было предложено: во-первых, не препятствовать церковным общинам производить колокольный церковный звон в городах и селах, используя имеющиеся колокола, и не препятствовать их приобретению; во-вторых, при планировании предусматривать, в пределах возможного, необходимость снабжения строительными материалами приходские общины для ремонта церковных зданий, обусловленного договором с общиной, по представлениям уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР [6, л. 61].

В целом изменения в законодательной части, их основное содержание доводились до сведения патриархии, а в некоторых случаях подробно комментировалось на страницах «Журнала Московской патриархии». Вне всяких сомнений это и другие подобные решения способствовали возрождению религиозной жизни в СССР [7, с. 339].

Обозначенная в годы войны новая церковная политика предусматривала государственную поддержку патриаршей церкви. На Архиерейском соборе Русской православной церкви 8 сентября 1943 г. был избран патриархом Московским Сергий. Либерализация в церковном вопросе, начавшаяся в годы Великой Отечественной войны, предусматривала в первую очередь сокращение количества подпольных общин и легализацию деятельности церкви. Ведь, несмотря на массовые гонения, которые длились несколько десятилетий, в СССР по-прежнему существовала религиозная жизнь, которая ушла в подполье и для власти представляла бóльшую опасность. Вызывали тревогу и непонимание у властей распространенные еще с дореволюционных времен «неофициальные» формы народной религиозности. Эти традиции свидетельствовали о незыблемости той национальной культуры, которая передавалась из поколения в поколение, ее носителями, в основном, являлись жители сельской местности [8, с. 172]. Именно борьба с подпольными формами существования религиозной жизни и явилась одной из главных задач созданного в 1943 г. Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР [8, с. 171]. В то же время и многочисленные незарегистрированные общины, и священники получили основания добиваться легализации своей деятельности и требовать открытия церквей. Возможность осуществлять религиозную деятельность без явных преследований и открытие церквей действительно способ-

ствовали возвращению в патриаршую церковь подпольных общин и групп. Решающую роль в примирении последних с патриархией стало избрание в феврале 1945 г. патриархом Алексия (Симанского): ведь многие подпольные общины испытывали неприязнь в основном лично к митрополиту Сергию. Легализация различных форм подпольной церковной деятельности стала «одним из важнейших механизмов, благодаря которым в этот период происходило возрождение церковной жизни» [8, с. 173–174].

На территории Витебской области, как в целом по всей республике, сразу после окончания войны советские власти не препятствовали функционированию уже существующих церквей и открытию новых. Так, Бешенковичский райисполком решением от 7 мая 1945 г. № 278 разрешил открыть церковь в д. Вяжище Стрелищанского с/с. Исполком даже нашел возможным передать церкви здание, в котором с 1932 г. помещался склад заготзерна, выделил средства и лесоматериал на ремонт этого помещения [5, л. 10]. В IV квартале 1946 г. Витебский облисполком удовлетворил 2 ходатайства об открытии церквей в г. Орша и г. Витебске, направив материалы в Совет. Всего в Орше стали функционировать 2 церкви. В период 1944–1946 гг. в г. Витебске действовала одна церковь, в 1947–1948 гг. – 2 церкви. Следует отметить, что в 1946 г. и 1947 г. фактически функционировала только 1 церковь, так как в Покровской церкви г. Витебска, которую с разрешения Совета по делам РПЦ удалось открыть 21 августа 1946 г., службы не проводились из-за необходимости осуществления крупного восстановительного ремонта здания церкви [2, л. 16–17]. Во время оккупации Покровская церковь не закрывалась, обслуживала не только жителей города, но и прилегающую территорию сельской местности в 25 км от города [9, л. 4].

Ситуация с открытием новых церквей в послевоенный период была достаточно неоднозначной. В первые годы своего существования, 1943–1944 гг., Совет по делам РПЦ скупно давал санкции на их проведение. В 1945–1946 гг. подобные вопросы стали разрешаться гораздо успешнее для верующих. Начиная с 1947 г. положение вновь ухудшается [9, с. 336]. Несмотря на ряд законодательных и административных инициатив по открытию православных церквей, этот процесс шел медленно и в Витебской области, о чем свидетельствует количество действующих церквей и молитвенных домов: на 1.01.1944 – 28, 1.01.1945 – 29, 1.01.1946 – 29, 1.01.1947 – 30, 1.01.1948 – 30. По области

на 1.01.1948 г. действующие церкви и молитвенные дома распределялись следующим образом: в городах и рабочих поселках – 16, в сельских населенных пунктах – 14 [2, л. 18]. По состоянию на 01.01.1949 г. на территории Витебской области действовало 28 церквей, которые были открыты в годы немецкой оккупации, за исключением 2-х, которые открылись по решению Совета в послевоенный период [10, л. 28].

В то же время количество ходатайств об открытии церквей росло. Если в 1944 г. поступило 2 ходатайства об открытии церквей, в 1945 г. – 4, то только за второй квартал 1948 г. поступило 5 ходатайств [2, л. 51]. Однако при этом можно отметить, что из 6 заявлений об открытии церквей в области, поступивших в третьем квартале 1945 г., 3 заявления были отклонены, 1 – возвращено для надлежащего оформления, по 2 – ожидалось материалы для окончательного оформления и направления в Совет [5, л. 13]. Численность вновь открываемых церквей возросла незначительно, что объяснялось медлительностью, с которой рассматривались ходатайства и высоким процентом отклоняемых заявлений. Как результат, в 1948 г. в Витебской области, после завершения периода массовой регистрации, насчитывались 34 недействующие церкви, из них 3 здания были заняты под клуб, 1 – под школу, 11 – под склады, 19 были ничем не заняты [2, л. 50].

Среди официальных причин отказа в удовлетворении просьб верующих об открытии молитвенных помещений назывались следующие: наличие в непосредственной близости действующего культового здания; отказ епископов поддержать заявления верующих из-за отсутствия приходского духовенства; просимое здание уже занято под иные цели или оно находится в ветхом состоянии; «нецелесообразно» открывать храм [7, с. 313]. Однако основной причиной, препятствующей легализации деятельности православных церквей, являлось открытое или скрытое противодействие властей (от сельсовета до областного Совета и республиканского Совнаркома) данному процессу. Принятый еще в 1943 г. порядок рассмотрения ходатайств об открытии и регистрации церквей устанавливался, в первую очередь, для того, чтобы руководство религиозной политикой на всей территории СССР осуществлялось централизованно. Москва оставляла за собой право устанавливать численность церквей и их распределение по территории страны там, где их открытие будет сочтено целесообразным. В послевоенный период советское политическое руководство именно на ранее оккупированных террито-

риях страны проводило политику, направленную на сдерживание дальнейшего роста численности культовых зданий, не используя при этом репрессивных методов [8, с. 179].

Так, церковное здание в поселке Лиозно было изъято советской властью в 1943 г., сразу после освобождения поселка от немецко-фашистских захватчиков. В 1945–1946 гг. община поднимала вопрос о возвращении ей церковного здания, но ходатайства были отклонены. В поселке Копысь церковное здание было изъято в начале 1946 г. и стало использоваться как школьное помещение. С разрешения Совета по делам РПЦ церковная община начала строительство молитвенного дома, но и к 1947 г. работы были не завершены [11, л. 119].

Таким образом, еще в годы войны был взят курс на легализацию религиозной деятельности, который предполагал открытие, регистрацию церквей и верующих под контролем государства. Данный курс рассматривался Русской православной церковью как определенное пространство для самостоятельности, которую им предоставляло государство. В то же время Сталин и политическое руководство страны сохранило зависимое положение церковных структур от государственных органов власти, возможность вмешательства во внутренние дела церкви, осуществление постоянного контроля и при необходимости использование церкви во внешней и внутренней политике [8, с. 163]. Тем не менее данный период, даже с учетом всех сохранившихся ограничений, можно рассматривать как период существенных уступок для церкви, которая с 1917 г. знала в основном произвол со стороны государства, испытывала лишения и постоянные разорения церковных учреждений.

В послевоенный период государственно-религиозной политики ключевым вопросом являлся вопрос не просто открытия, а именно регистрации действующих церквей. Первый этап регистрации должен был завершиться до 1 октября 1945 г. [4, л. 17]. Однако данная установка не была выполнена. Она не нашла поддержки ни у местных властей, ни со стороны верующих и духовенства. 19 июня 1945 г. Витебский облисполком принял решение за № 522 «О проведении подготовительной работы к регистрации церквей». Однако из документов 1945 г. следует, что «в Витебской области большинство райисполкомов не выполнили указаний облисполкома и сорвали проведение данной работы в срок» [5, л. 10]. Так, в Витебской области в III квартале

1945 г. из 29 церквей зарегистрированы были только 13. В Оршанском районе из 10 действующих церквей была зарегистрирована 1 – в г. Орше. В свою очередь и православное духовенство всячески противилось регистрации, находя для этого различные поводы. Отдельные священники под теми или иными предлогами не оформляли регистрацию, а на предупреждение о запрете совершения богослужения и треб, например, священник Улльской церкви Бешенковичского района Борсукович ответил: «Ну что же, побуду в отпуске и отдохну». Священник церкви в местечке Островно Бешенковичского района Хоботов, несмотря на то, что и сам уклонялся от регистрации, обслуживал параллельно еще две соседние церкви. Только после того, как было запрещено служить священнику Хоботову в этих церквях, от верующих поступило ходатайство об открытии церквей в их населенных пунктах [5, л. 13].

На освобожденных территориях Белорусской ССР важным являлся вопрос об управлении православными церквями. С 1944 по 1947 г. управление Минско-Белорусской епархией осуществлял архиепископ Василий (Василий Михайлович Ратмиров). С января 1947 г. и на протяжении 12 лет архиепископом Минским и Белорусским был Питирим (в миру Петр Петрович Свиридов). Основной задачей правящего духовенства в послевоенной Беларуси стала организация церковной жизни в новых условиях. Так, с назначением архиепископом Питирима в области, как в целом в республике, проводилась работа по активизации деятельности духовенства, росту доходности приходов, привлечению паствы.

Контроль за православными церквями в Витебской области осуществляли с 1945 г. 4 благочинных, при этом наибольшую организованность и активность в управлении проявлял благочинный Толочинского района Абрамов. «Именно в данном районе все православные церкви были зарегистрированы, средства, собранные на патриотические цели, сдавались вовремя», – подчеркивал в отчетных документах уполномоченный Совета [5, л. 19].

Вместе с тем в послевоенный период в связи с возрождением религиозной жизни и увеличением численности приходов остро стояла проблема квалифицированных церковных кадров, подготовки новых священников, чтобы они смогли восполнить убыль духовенства, уничтоженного во время гонений и в годы войны. Права иметь свои духовные учебные заведения церковь лишилась еще в конце 1920-х гг. Только в марте 1945 г. были

открыты православные пастырско-богословские курсы в Минске, а с 1946 г. все богословские курсы получили разрешение стать семинариями [8, с. 175]. При непосредственном участии Питири-ма была открыта Минская духовная семинария. И, как результат, из 14 человек духовенства, назначенных Питиримом в Витебскую область в 1948 г., имели среднее духовное образование – 7, общее среднее – 3, специальное высшее – 1, общее низшее – 3 человека [2, л. 51].

В целом при архиепископе Питириме активно шла работа с духовенством. Так, только в 1947 г. 9 священников Витебской области перевели в другие церкви области или республики, в область были назначены 6 новых священников, 2 священника лишены сана и 1 уволен за штат. Подобные изменения проводились и в среде диаконов и псаломщиков [11, л. 113]. Боролся Питирим и с негативными явлениями среди духовенства, такими как пьянство, присваивание материальных средств, предназначенных для патриотических целей (священники Браздеченской и Крапивенской церквей Оршанского района) [12, л. 10].

Основная роль в сохранении православных традиций, распространению их среди населения отводится духовенству. В послевоенный период священники Витебской области активно проводили религиозные требы и обряды и, в первую очередь, обряд крещения детей. Так, в 1948 г. в одном колхозе священник Оберенко крестил 22 ребенка [2, л. 51]. Если в 1947 г. в церкви Толочинского района окрестили 215 детей, то в 1948 г. уже 260, в молитвенном доме в райцентре Коханово рост количества крещений детей в те же годы с 216 до 290 [13, л. 26]. Этому способствовало возрождение практики совершения таинств и обрядов в период немецкой оккупации, когда на территории области происходило массовое крещение детей, подростков и взрослых. После войны родители считали возможным крестить всех детей. В документах, которые характеризуют ситуацию в Витебской области, встречаются факты, когда крестными при крещении были и милиционер, и молодой мобилизованный офицер. Так, в г. Орша крестил ребенка член партии, который, объясняя данное участие в обряде, отмечал, «что сейчас религия является личным частным делом» [11, л. 122].

Активность духовенства Витебской области проявлялась и в дни общих поминовений умерших, когда священники объезжали все деревни своего прихода для служения панихид на кладбищах (священник Крапивенской церкви – Ленок, Оршанской церкви – Поминальный). Некоторые

священники проводили религиозные обряды не только в своих приходах, но и совершали поездки по другим районам. Так, священник г/п Лепель Витебской области Забелло активно совершал поездки по своей области, а также неоднократно посещал соседнюю Полоцкую область для осуществления обрядов крещения детей.

В целом следует отметить, что в послевоенный период религиозность среди населения оставалась высокой. Яркими свидетельствами этого служат отчеты уполномоченных Совета по делам РПЦ о празднованиях религиозных праздников. Так, в день Пасхи, в ночь с 1 на 2 мая 1948 г., в Казанской церкви г. Витебска на богослужении было не менее 800 чел., что значительно превышало количество посетителей пасхальной службы в 1947 г. Церковь, вместимость которой составляла 500–600 чел., была заполнена полностью и в Вербное воскресенье [2, л. 12]. В 1949 г. на пасхальном богослужении присутствовало уже более 1000 человек, что вызвало давку, и часть людей находилось около церкви (площадь церкви равна 234 кв. м) [13, л. 48].

Повсеместные церковные службы с большим количеством молящихся сопровождали празднования, посвященные 500-летию автокефалии Русской православной церкви. 18 октября 1948 г. соборные богослужения, с привлечением большого количества молящихся, были совершены и в г. Витебске [14, л. 77].

Активное посещение верующими церковью отражалось и на материальной обеспеченности приходов. Так, доходность церкви г. Орша за 1946 г. составила 140 092 руб. и включала: пожертвования – 7 261 руб., кружечный сбор – 9 144 руб., продажу свечей (чистый доход) – 104 413 руб., случайные поступления – 1 895 руб., прочие доходы – 9 970 руб. Годовой доход Толочинской церкви за 1946 г. составил 51 920 руб. [11, л. 34]. Доходы Лиозненского молитвенного дома за 1947–1948 гг., после денежной реформы, почти не уменьшились, в то время как цена свечей, дающая основные средства, уменьшилась с 10 до 3 рублей. Следовательно, потеря в цене была компенсирована ростом количества проданных свечей, что говорит об увеличении посещения церкви и проведенных богослужений [13, л. 26].

В послевоенной жизни православных церковью вновь стали организовываться церковные хоры и выделяться существенные средства на их содержание. Так, витебский священник Цитович организовал церковный хор, сам им руководил и расходовал на его содержание 5 тыс. рублей

в месяц. Посещаемость в этой церкви сразу увеличилась, а на богослужениях стали присутствовать по 200–300 человек, в том числе и молодежь, и родители с детьми [11, л. 122].

Одним из основных средств духовного воздействия на сознание верующих является проповедь. Как следует из документов 1945–1948 гг., проповедническая деятельность в районах области не носила системного характера. Регулярный характер проведения проповедей в послевоенный период наблюдался в церквях только городов Витебска и Орши. Произносимая священнослужителем в храме во время богослужения проповедь основывалась на вероучении православия, внимание верующих обращалось на духовно-нравственные, моральные основы жизни человека и общества, согласно христианским традициям. Наряду с упоминанием ключевых тем проповедей встречаются в документах и темы, отражающие особенности советского послевоенного времени: призыв верующих к ответственному труду в колхозах и на предприятиях, с подтверждением «наложенной на человека Богом обязанности в поте лица своего добывать хлеб» (священник Витебской церкви Мороз); о притеснениях церкви в СССР. Так, священник Бешенковичской церкви Витебской области Миловский, выступая 12 июня 1949 г. на Троицу с проповедью, употреблял такие выражения: «враги церкви и религии стремятся закрыть церкви. Но мы должны усилить свою помощь церкви и доказать врагам, что церковь живет и будет дальше жить, расширяя свою деятельность» [13, л. 47].

Еще одним направлением деятельности православного духовенства в послевоенный период оставалась благотворительность. Вплоть до начала 1947 г. церковь вносила сотни миллионов рублей на общественно-политические цели, в том числе большую часть в благотворительные организации и фонды – помощи детям-сиротам, семьям военнослужащих, Красный Крест и т.п. Многие выплаты имели конкретные адреса – детских интернатов, домов ветеранов, отдельных инвалидов войны через соборы. В пасхальную неделю священник церкви в г. Лепеле Дейнека подарил находящемуся там детскому дому значительное количество собранных от верующих яиц. Такой же подарок он сделал и для находящихся в камере предварительного заключения [13, л. 47].

Эта практика, поднимавшая авторитет церкви, вызывала озабоченность властей, и в феврале

1947 г. согласно указанию из Совета Министров Патриарх Алексей предписал полностью прекратить все сборы на патриотические цели. Сокращение поступлений в государственный бюджет было компенсировано обязательной подпиской духовенства и прихожан на займы восстановления народного хозяйства, а также ростом налогов [9, с. 340]. В 1947 г. сбор средств по всем церквям Витебской области на патриотические цели был прекращен, начался сбор средств в фонд мира, а также на строительство и восстановление храмов [11, л. 38].

Заключение. На территории Витебской области, как в целом по всей республике, сразу после окончания войны советские власти не препятствовали функционированию церквей и открытию новых. Этому способствовали создание в 1943 г. Совета по делам РПЦ при СМ СССР, изменения нормативно-правовой базы, регулирующей отношения между государством и церковью. Одновременно следует подчеркнуть, что советское руководство в целом не отказывалось от цели искоренения «религиозных предрассудков» и не шло на узаконивание стихийного и массового открытия церквей. До 1948 г. активно проводилась регистрация церквей, которой всячески противились как сами власти, так и верующие. На территории Витебской области к концу 1948 г. действовало 28 церквей, зарегистрированных в Совете, которые были открыты в годы немецкой оккупации, кроме 2-х, которые были открыты по решению Совета в послевоенный период.

В послевоенный период религиозность среди населения Витебской области оставалась высокой. В обозначенное время православные приходы нуждались в квалифицированных церковных кадрах. Священники на территории Витебской области активно осуществляли религиозные обряды крещения, венчания, организовывали церковные хоры. В дни религиозных праздников проводили повсеместные церковные службы, где активно проповедовали христианское учение. До 1947 г. собирали средства на благотворительность.

Во второй половине 1948 г. произошло резкое падение заинтересованности руководства СССР в Русской православной церкви. В отношении к церкви была избрана новая тактика государства, основанная на активном ограничении и вытеснении церкви из всех сфер общественной жизни. Начинается преследование прихожан, разгон молящихся в храмах, но главное – это постепенное сокращение количества действующих церквей.

В Витебской области за период с 1948 по 1954 г. по разным причинам были сняты с регистрации 6 действующих церквей, из них типовых – 5 и молитвенных домов – 1.

Литература

1. Отчетно-информационные доклады о работе уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по западным областям БССР // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 12.
2. Постановления и указания Совета по делам Русской православной церкви и уполномоченного Совета по БССР, отчеты, сведения и переписка уполномоченного по Витебской области о деятельности РПЦ // Государственный архив Витебской области. – Фонд 4131. – Оп. 1. – Д. 4.
3. Силова, С.В. Крестный путь. Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации (1941–1944 гг.) / С.В. Силова. – Минск: Белорусский Экзархат, 2005. – 71 с.
4. Отчетно-информационные доклады уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по областям БССР // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 2.
5. Указания Совета по делам Русской православной церкви, отчеты и переписка уполномоченного Совета по Витебской области о деятельности РПЦ // Государственный архив Витебской области. – Фонд 4131. – Оп. 1. – Д. 1.
6. Циркулярно-инструктивные письма и протоколы заседаний Совета по делам Русской православной церкви // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 27.
7. Одинцов, М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. / М.И. Одинцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с.
8. Роккуччи, А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958 / А. Роккуччи; [пер. с итал. О.Р. Щелоковой]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 582 с.
9. Шкаровский, М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М.В. Шкаровский. – М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья, 2005. – 400 с.
10. Материалы о деятельности Русской православной церкви (отчеты, докладные записки, решения исполкомов, заключения уполномоченных и переписка) // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 20.
11. Постановления и указания Совета по делам Русской православной церкви и уполномоченного Совета по БССР, отчеты, сведения и переписка уполномоченного по Витебской области о деятельности РПЦ // Государственный архив Витебской области. – Фонд 4131. – Оп. 1. – Д. 3.
12. Указания Совета по делам Русской православной церкви уполномоченным Совета по БССР, отчеты, сведения и переписка уполномоченного Витебской области о деятельности РПЦ // Государственный архив Витебской области. – Фонд 4131. – Оп. 1. – Д. 2.
13. Постановления и указания Совета по делам Русской православной церкви, уполномоченного Совета по БССР, отчеты, сведения и переписка уполномоченного по Витебской области о деятельности РПЦ // Государственный архив Витебской области. – Фонд 4131. – Оп. 1. – Д. 5.
14. Приказы и протоколы заседаний Совета по делам Русской православной церкви, протоколы совещаний уполномоченных Совета, докладные записки // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 13.

Поступила в редакцию 22.12.2018 г.